

ВОЛЬФ МЕССИНГ

**Я - ПРОРОК
БЕЗ
ОТЕЧЕСТВА**

Личный дневник телепата Сталина

Вольф Мессинг

**Я – пророк без Отечества.
Личный дневник
телепата Сталина**

«ИП Махров»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мессинг В.

Я – пророк без Отечества. Личный дневник телепата
Сталина / В. Мессинг — «ИП Махров», 2017

ISBN 978-5-9955-0898-4

Сенсация! Первое русское издание личного дневника Вольфа Мессинга. Сокровенные записи великого экстрасенса и провидца, которого величают «чудотворцем», «пророком» и даже «Мессией». Предыдущая книга воспоминаний Мессинга «Я – телепат Сталина» стала бестселлером и бьет рекорды продаж. Но даже самые искренние мемуары не имеют такой ценности, как дневник, – ведь они пишутся через много лет после событий, когда подробности уже стерлись из памяти, а что-то мемуарист невольно приукрашивает, замалчивает или искажает в угоду своим изменившимся взглядам. Дневник куда честнее, поскольку не подвержен коррозии времени. В своем личном дневнике, наедине с собой, Вольф Мессинг мог быть так откровенен, как невозможно ни в каких мемуарах. На этих страницах он мог задавать себе самые исповедальные, самые пугающие вопросы: Что такое мой дар – благословение или проклятие? Откуда мои сверхспособности – от Всевышнего или от Лукавого? Как мне жить с этим бременем нечеловеческой ответственности? Кто я – лжепророк без Отечества или подлинный Мессия?

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0898-4

© Мессинг В., 2017

© ИП Махров, 2017

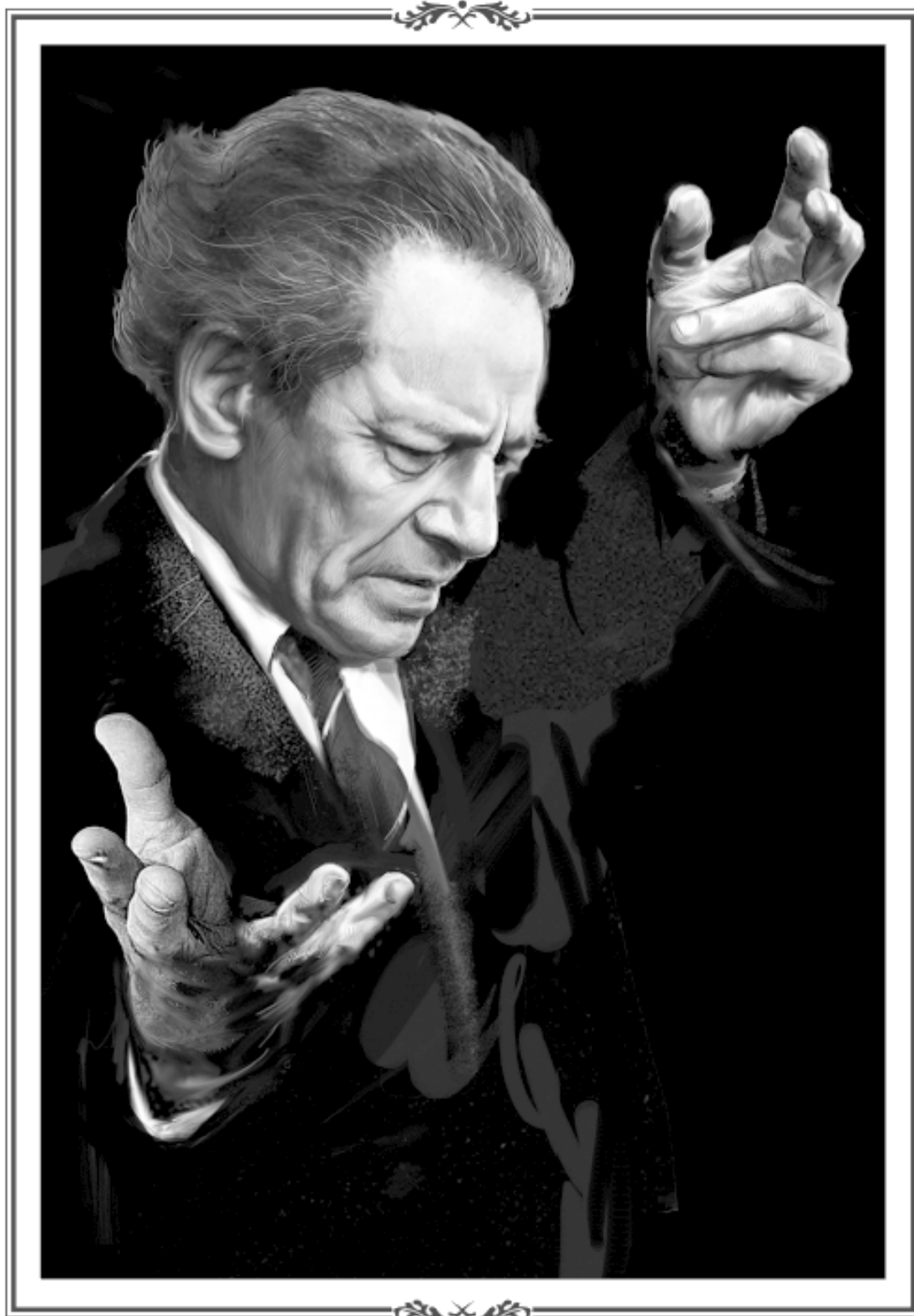
Содержание

Предисловие[1]	8
24 мая 1920 года. Сувалки	9
30 мая 1920 года	10
2 июня	12
3 июня, Варшава	13
5 июня 1920 года, Варшава	17
4 августа 1925 года, Лодзь	18
5 августа	19
6 августа	20
7 августа	22
8 августа	23
9 августа	26
13 августа 1925 года, Лодзь[15]	28
15 августа	30
23 августа	31
2 сентября, Атлантика, борт корабля «Ганза»	35
7 сентября, Рио-де-Жанейро	38
12 февраля 1926 года. Польша, Лодзь	39
14 февраля	40
23 мая 1927 года, Берлин	41
25 мая	44
5 сентября 1931 года, Париж	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вольф Мессинг
Я – пророк без Отечества. Личный
дневник телепата Сталина

© ООО «Яуза-пресс», 2017

* * *

Предисловие¹

Когда Галине Яковлевне Коган удалось найти и опубликовать мемуары Вольфа Мессинга, то ее друзья в Израиле и в России задались вопросом: а куда же делись первоисточники – дневники «личного телепата Сталина»? Тем более что Абрам Каплун, вывезший рукопись в «Землю обетованную» еще в 1974 году, не раз упоминал о них.

Великое дело – энтузиасты! После кропотливых поисков в Израиле, Германии и Польше «изыскатели» узнали, что дневники Вольфа Григорьевича находятся в Москве, в Центральном архиве ФСБ.

Как они там оказались? Дело в том, что в тот самый день, когда Вольф Григорьевич умер, сотрудники КГБ провели в его квартире тщательный обыск, изъяв и засекретив многие бумаги.

Путем долгих переговоров удалось выйти на одну из сотрудниц архива и упросить ее сделать копию. По вполне понятным причинам имя сотрудницы мы не упоминаем.

Она же обнаружила, что в хранилище ФСБ находятся далеко не все документы из так называемого «Архива Мессинга», – сверка с перечнем показала, что пропала немалая часть. Выяснилось, что документы были похищены еще в начале 90-х годов. Тогда, в пору разброда и шатаний, дисциплина упала даже у чекистов. Одному из офицеров КГБ удалось вынести часть дневниковых записей и писем Вольфа Григорьевича, протоколы экспериментов, доклады сотрудников госбезопасности и многое другое. Некоторые из этих бумаг сотрудник КГБ переслал в Израиль с целью продажи. К сожалению, сделка сорвалась: «продавец» перестал выходить на связь, и его дальнейшая судьба неизвестна. «Покупатель», гражданин Израиля Биньямин Шимшони, владелец издательства в Тель-Авиве, выждав два года, опубликовал доставшуюся ему часть «Архива Мессинга» в переводе на иврит. Эта книга была переиздана несколько раз².

И только сейчас³ мы имеем возможность опубликовать полные списки дневников Вольфа Григорьевича – отсутствующую в хранилище (похищенную) часть нам любезно предоставил господин Шимшони.

По словам сотрудницы архива, оригиналы дневников Мессинга – это потрепанные тетради, обычные ученические, пожелтевшие и хрупкие, или общие, в ледериновых обложках. Большая часть, примерно с 1939 года, написана на русском, меньшая, более ранняя, – на польском языке.

Многие фрагменты Мессинг использовал при написании черновика мемуаров (остались пометки на полях), но о некоторых событиях он в своих мемуарах умалчивал или подверг беспощадной правке. И это понятно: мемуары пишутся для окружающих, их близких и дальних, дружелюбных и не очень, а дневники – для себя.

Думается, читателю будет небезынтересно узнать, каков же был Вольф Григорьевич наедине с самим собой, от чего страдал, чему радовался, что в его жизни так и не сбылось.

Дневники публикуются в авторской редакции.

¹ Предисловие к первому изданию на иврите (прим. русского редактора).

² В России она выходила в обратном переводе на русский язык под названием «Магия моего мозга. Откровения «личного телепата Сталина» (Москва, Яуза, 2016).

³ Первое издание на иврите было выпущено в 1998 году (прим. русского редактора).

24 мая 1920 года. Сувалки

Я умру через 54 года 5 мес. и 18 дней. Моя смерть наступит в 11 часов вечера.

«Ну, ты и влип, Велвеле!»⁴ – сказал я себе.

А произошло все как обычно, как уже бывало со мной.

Часа за два до рассвета я проснулся и долго не мог уснуть, а потом вся казарма, весь мир словно канули во тьму, пропали. Было такое впечатление, будто я остался один в черной, гулкой пустоте.

И вот тогда мне было явлено будущее. Словно единственный зритель в безлюдном кинематографе, я пялился в экран, вот только показывали не фильму, а мою жизнь.

Когда я очнулся, сердце громко стучало, а лицо было липким от пота. Приподнявшись с постели, я рухнул обратно на койку – изнемог совершенно, словно весь божий день вкалывал, не приседая.

Страх, дикий страх накатил – и оставил меня. Я даже захихикал, как дурачок. (Нервное.)

Чего мне бояться? Что помру полвека спустя? А я разве бессмертен? Или не знал, что люди имеют обыкновение стариться, частенько не дотягивая и до седьмого десятка? Как говорила моя бабушка Рейзл, «человек рождается от матери, а помирает сам».

Да наоборот, я радоваться должен столь долгому сроку!

Значит, я не скончаюсь от рака в тридцать с небольшим, как наш сосед Янек, меня не убьют, не переедет машина. Я тихо отойду в мир иной.

И, быть может, смерть – вовсе не конец, а начало?

Я не верю в Иегову, Саваофа или Аллаха – это все убогие образы Создателя, возникавшие в воспаленных мозгах кочевников, наивные потуги познать божественную сущность по людскому подобию.

Я просто знаю, что Он есть. Господь. Творец. Вседержитель.

И он вовсе не таков, каким малюют его на иконах или на полотнах, – Бог непознаваем и непредставим. И не дано человеку понять Его, как нельзя узреть всю Землю разом, стоя на карачках посреди огородных грядок. Копошиться в навозе и прахе – вот наш удел.

Далее в тексте добрых полстраницы густо зачеркано⁵.

⁴ Настоящее имя Мессинга – Велвел («волчонок» в переводе с идиш). Велвеле – уменьшительное от Велвел (прим. русского редактора).

⁵ Примечание израильского редактора.

30 мая 1920 года

Я сейчас поймал себя на том, что не просто пишу записки, а подыскиваю нужные слова, стараюсь повествовать искуснее, словно сочиняю рассказ о Велвеле из Гурь⁶ на потеху толпе.

И в этом весь я – хилый, тощий, нескладный, близорукий.

Если я слышу хохот за спиной, то деревенею, принимая насмешку на свой счет. Мучительно боюсь сильных и наглых, а если и даю сдачи, то лишь в мечтах.

И есть только одно, что отличает меня от других и возвышает над ближними, – та скрытая сила, что бродит во мне, иногда пугая и даже доводя до слез. Но и утешая в то же время, придавая значимости моей, в принципе, никчемной жизни. Даже составляя предмет тайной гордости «такого феномена, как В. Мессинг».

Я ощущаю свой дар как святониспосланную благодать, хотя, наверное, любая способность, выходящая за рамки среднестатистического явления, несет в себе и благое, и дурное.

Я могу читать мысли и даже видеть будущее, могу внушить то, чего нет, вот только не стану от этого ни полубогом, ни полудьяволом.

Человек ведь не меняется, обретая некие способности. Он остается тем же серым и трусливо вождедеющим существом, каким и был.

В теории сила, коей я обладаю, способна приблизить меня к скромному могуществу. Разве не могу я внушить девушке любовь и страсть, чтобы она с радостью и желанием отдавалась мне? Могу.

Вот только будет это не чем иным, как изнасилованием.

Могу заставить ростовщика отдать мне чемодан с деньгами. Это будет воровство.

А я не хочу быть ни вором, ни насильником. Тешить беса – против моих правил. Я сам провел черту дозволенного и никогда не переступлю ее. Аминь.

Подумал сейчас, что меня наверняка будут спрашивать, отчего же я, пророк и чудодей, повелевающий силой своего духа, не воспротивился призыву в армию? А оттого, что больше всего на свете хочу быть как все: не читать чужие мысли, не прозревать грядущее, не двигать по столу бокал вина энергией мозга.

Не хочу я этого! Боюсь! Мне неуютно в собственном теле!

Мои желания могут показаться примитивными, они и вправду таковы – мне бы просто жить и работать, жениться, завести детей, встречаться по вечерам с друзьями, пропуская рюмочку-другую.

Но нет! Неуемная сила ворочается во мне, не давая покоя, выделяя из рода человеческого – и отделяя от него.

Оттого я такой нервный, вспыльчивый, раздражительный.

Оттого не думал даже увильнуть от службы.

Да, да! Хотел, чтобы все у меня было как у людей.

Призывают сверстников в армию? Стало быть, и мне с ними.

Тем более что угодил я не в строевые части, а в санитары.

Какой-то спесивый служака, ведавший распределением новобранцев, процедил, глянув на мою худобу: «Еврей – не солдат!»

Ну, в чем-то он был прав: сражаться за Великую Польшу, дабы раскинулась она «от можа до можа», я не имел ни малейшего желания. Чего ради я буду убивать русских или малороссов? Они мне ничего плохого не сделали.

А через год мне светит демобилизация – мне это ведомо.

⁶ В. Мессинг родился в Гура-Кальварии Варшавской губернии (прим. израильского редактора).

Одному мне.

* * *

Позволил себе недопустимое – огрызнулся на капитана Журека...

Следующая страница вырвана⁷.

⁷ Примечание израильского редактора.

2 июня

В санитарной части объявились три солдата и поручик. Приказали мне собираться – и на выход. Грубо так вздернули за шиворот да пинка отвесили – шевелись, жидовня!

А я не понимал – за что? Куда это меня, да под конвоем?

Суетливо хватая пожитки, я прокручивал в уме всякие варианты – ничего не сходилось. Кроме одной, самой непротиворечивой версии: санитар Мессинга приняли за русского шпиона!

Когда меня доставили на вокзал и наподдали прикладом, «подсаживая» в вагон, я почти убедился в верности своей догадки: мы направлялись в Варшаву.

Разумеется! Ведь именно там, на Саксонской площади, стоит Генеральный штаб, а в его недрах прячется «дефензива»⁸.

Мое видение будущего никак не разнилось с этой версией, разве что вселяло надежду – меня не расстреляют. Может быть...

Ведь судьбу не изменишь до тех самых пор, пока она остается неведомой тебе. Как обманешь рок?

Начнешь вести себя «непредсказуемо»? Изменишь своим привычкам? Выберешь для прогулок другие улицы? А откуда тебе знать, что сказано в Книге Судеб? Может, как раз твои «непредсказуемые» фортели и описаны на ее желтых пергаментных страницах?

Но как только становится известно, что тебе суждено, ты легко обретаешь редчайший, небывалый шанс объегорить судьбину, выбрать иную долю. Однако выбор этот скрывает в себе не только вероятное добро, но и зло – уберегшись от уготованной тебе беды, ты сам накликаешь на себя иное несчастье. Ирония судьбы!

⁸ Контрразведывательное отделение «двуйки» – Второго отдела Генштаба Войска Польского, занятого военной разведкой (*прим. израильского редактора*).

3 июня, Варшава

С варшавского вокзала меня отконвоировали в Генштаб, чего я и боялся, где передали какому-то полковнику. Полковник назвался Эугениушем Скшиньским, он расточал любезные улыбки и даже велел накормить меня, что было очень кстати – в вагоне я грыз галеты, твердые, как кость, да запивал их горячей водой, убеждая желудок, что он имеет дело с душистым чаем.

Настроение у меня поднялось, а час спустя, когда мою персону доставили в Бельведерский дворец, я и вовсе повеселел⁹. До меня наконец дошло, по какой такой надобности я потребовался в Варшаве. Меня хотел видеть Пилсудский!

Надо полагать, «начальнику государства» нужен был не двадцатилетний санитар, а «польский Калиостро» – хоть мои выступления в берлинском паноптикуме и в цирке Буша не принесли мне мировой славы, но интерес у «почтенной публики» возбудили-таки.

Ожидая «аудиенции» в огромной приемной, я не волновался. Успокоился. Смерть мне грозить перестала, а уж маршала я как-нибудь распотешу.

Признаться, я поражался, до чего же изворотливо оказалось шляхетское чванство – поляки пели осанну «Первому Маршалу Польши, Создателю возрожденного польского государства, Воскресителю Войска Польского, Великому Вождю и Воспитателю народа»!

Да, так и писали газеты, захлебываясь от верноподданнических чувств. «Великий, мощный, молчаливый, будто сфинкс, погруженный в раздумья, выкованный из гранита. Маршал Юзеф Пилсудский – любовь и гордость народа!»

И вот он передо мною, «Великий Вождь»: меня провели в большой кабинет, где за столом сидели два длинноносых генерала, незаметный человек в штатском и он, маршал Юзеф Пилсудский.

В обычной своей серой куртке стрелка и серо-голубой фуражке-мацеювке, с пышными черными усами и тяжелым взглядом из-под насупленных бровей, маршал больше всего напомнил нашего соседа в Гуре, арендатора Здзислава. Тот такой же был – крепкий, основательный и властный.

Взгляд у Пилсудского был не просто тяжел. Он, чудилось, гнул и ломал, подавляя волю. Смотреть маршалу прямо в глаза было трудно, но я смог.

Видимо, ему это понравилось – в выражении маршальского лица я прочел одобрение.

– Я слышал о вас от Витольда, – сказал Пилсудский и сделал небрежный жест рукой, – это дипломат¹⁰. Он был на вашем концерте в Варшаве. Вам удалось удивить Витольда, а это, скажу я вам, непросто. Вы читали мысли... Как вы это делаете?

– Не знаю, – честно признался я. – Представьте себе страну слепых, куда попадает обыкновенный зрячий. «Как вы можете видеть предметы, не пощупав руками?» – спрашивают слепцы. «Да я просто вижу их!»

– А что значит «вижу»?

– Хотел бы я знать...

– Ну, это ничего, – добродушно пробурчал Пилсудский. – В отличие от Витольда не я хожу на ваше выступление, пан Мессинг, а вы пришли ко мне. Хотя найти вас было нелегко, вы хорошо спрятались! – Устроившись поудобнее, он продолжил: – У меня пропал серебряный портсигар, но не в цене дело – он дорог мне как память. Найдете его?

⁹ Не совсем ясно, почему в мемуарах Мессинг не упоминает Бельведер. Возможно, не счел нужным уточнять, где именно произошла встреча с Юзефом Пилсудским (*прим. израильского редактора*).

¹⁰ Витольд Йорко-Наркевич (1864–1924) – польский революционер, политический деятель, публицист, дипломат. В 1920–1921 годах исполнял обязанности польского посла в Стамбуле (*прим. израильского редактора*).

Я глубоко вздохнул. Обычно, когда человек, которого я жду, или любой прохожий, еще далеко, но приближается ко мне, я слышу... Нет, не так. Я каким-то образом ощущаю его мысли, они становятся слышны мне как бы в голове – о, это очень трудно описать, а объяснить еще труднее.

Сначала мысль воспринимается как неразборчивое бормотание, но чем ближе человек, тем яснее его «голос».

Но когда я иду в толпе или стою на сцене перед переполненным залом, мысли сотен людей путаются друг с другом, мешаясь в прерывистый гул, вычленить из которого одну отдельную телепатему очень и очень трудно.

Иногда мне это удается, помогает настрой и сосредоточение, но легче всего просто взять человека за руку – телесный контакт как бы замыкает этого зрителя на меня.

В кабинете сидело всего четверо, но я здорово устал, разнервничался – как тут сконцентрируешься? А просто так подойти к маршалу и шляхтичу и взять его за руку?

Еврей-санитар в мятой форме лапает Великого Вождя!

Да еще через стол... Я внутренне содрогнулся.

И вспомнил почему-то доброго, хоть и настырного профессора Абеля, которому я был обязан тем, что стал выступать с «психологическими опытами».

Абель, как и всякий немец, был материалистом. Он с ходу отверг мои идеи о психодинамическом поле мозга, назвав их завиральными и дилетантскими. «Энергия мозга вытягивает едва на 12 вольт, о каком поле может идти речь?» – горячился он.

Я не спорил с ним и кротно соглашался.

«Это не чтение мыслей, – уверял меня Абель, – а, если так можно выразиться, «чтение мускулов»... Когда человек напряженно думает о чем-либо, клетки головного мозга передают импульсы всем мышцам организма. Их движения, незаметные простому глазу, тобою легко воспринимаются, Вольф. Да, ты часто выполняешь мысленные задания без непосредственного контакта с индуктором. Здесь указателем тебе может служить частота дыхания индуктора, биение его пульса, тембр голоса, характер походки...»

Я только кивал, словно китайский болванчик. Да, конечно, наблюдательность – это важно. Зачем зря «расходовать нерв», когда румянец на щеках, испуг или невольное движение «дают подсказку»?

Вот и генералы, составившие компанию Пилсудскому, позволили мне «прочитать их мускулы» – каждый из них хоть раз да глянул влево. Там висела портьера, задерживавшая высокое окно.

Я молча прогулялся к окну, и отдернул портьеру.

– Вот ваша пропажа, пан маршал, – сказал я, передавая Пилсудскому тяжелый портсигар с гравировкой.

Маршал хмыкнул только, убирая «пропажу» в карман.

– Говорят, вы и будущее прозреваете, пан Мессинг? – сощурился он.

– Иногда, пан маршал, – сдержанно ответил я, догадываясь, какой вопрос последует.

Шла война с Советской Россией, и поляки то переходили в наступление, то поспешно отступали.

Пилсудский носился с идеей Междуморья, рыхлой конфедерации Польши, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии и Финляндии. По сути, это была все та же старая мечта о Речи Посполитой, раскинувшейся «от моря до моря», поэтому-то сей проект был встречен весьма кисло всеми, кроме поляков.

А вот у Ленина размах был куда большим – Земшарная республика Советов! Он потому и немцам полстраны отдал с легкостью: знал, что скоро Красная Армия перейдет в наступление и вернет не только Украину с Прибалтикой, но и Польшу. И в Берлине зареет красный флаг, и в Париже, и в Лондоне...

Конники Буденного и красноармейцы Тухачевского шли в бой с одним залихватским девизом: «Даешь Европу!»

Это был сильный противник, однако польские генералы относились к командарму с презрением: дескать, что нам какой-то бывший поручик, вылезший в «красные маршалы»!

– Чем закончится война с Советами? – прямо спросил Пилсудский.

– Войско Польское скоро победит, – ответил я осторожно, – но до этого полякам придется отступить чуть ли не до самой Варшавы. Тухачевский, хоть и допустит тактическую ошибку, очень опасен.

– Это мальчишка! – фыркнул один из генералов. – Поручик! Он всю войну просидел в плену у немцев! Откуда ему было набраться опыта?

– Тухачевскому ни за что не удастся выбить наши полки из Киева! – надул щеки другой.

Я сдержался и промолчал, хотя обида жгла меня: оба чина смотрели на меня с глумливыми усмешками, и даже не телепату были ясны мысли этой парочки в генеральских погонах – дескать, жиденок-шарлатан случайно нашел портсигар, а теперь дурит нам головы всяким вздором.

Тогда я ощутил некую внутреннюю щекотку – мне до боли, до содроганья захотелось совершить маленькую месть и проучить генералов, отстегать их за глупый гонор и заносчивость.

Я был раздражен, да что там – взбешен. Обычно сильные эмоции мешают мне сосредоточиться, но холодная ярость, напротив, удешевляет мою силу.

Хватило нескольких секунд.

– Пан маршал, – спросил я, – могу ли я сказать кое-что почтенным панам?

Пилсудский был хмур и задумчив и лишь кивнул.

Глядя в глаза тому из генералов, что сидел ближе ко мне, я сказал:

– Пан генерал зря скупает акции украинских сахарных заводов. В Киеве, Житомире, Херсоне и Одессе будут править большевики.

Лицо у генерала забавно вытянулось, челюсть у него отвисла, выказывая крупные зубы, желтые от курева, а смотрел ясновельможный пан на меня так, словно увидал перед собой ожившего покойника.

Переведя взгляд на генерала, сидевшего поодаль, я проговорил:

– Пани Малгожату смущает разница в возрасте, сильно смущает.

Чин побагровел и закусил пегий ус, а Пилсудский хмыкнул.

Ему понравилось, как я уел офицеров.

Штатский не думал обо мне плохо, ему я ничего не открывал, но он сам не сдержал любопытства. Поерзав, штатский вежливо спросил:

– А мне вы не можете что-нибудь... э-э... сказать?

– Пусть почтенный пан не беспокоится насчет своей дочери, – ответил я. – Она непременно поправится. Ей уже лучше.

Увидеть больную девушку, лежавшую в постели, было легче всего – передо мной сидел отец, переживавший за ее здоровье.

– Как он мог узнать, что моя Басюня больна?! – воскликнул человек в штатском.

Насупленные генералы промолчали, а Пилсудский попросил оставить нас одних. Все покинули кабинет, и маршал спросил:

– Пан Мессинг, вы можете открыть мне мое будущее?

– Попробую, – сказал я без большой уверенности, поскольку прилив силы вполне мог смениться спадом.

Усевшись напротив Пилсудского, я закрыл глаза и сделал несколько медленных глубоких вдохов, погружаясь в сумеречное состояние, когда раскрывается подсознание и то странное, что сидит во мне, обретает имя действия.

– Пан маршал проживет долго, – глухо сказал я, открывая глаза, – в почете и славе. Пан маршал будет министром и премьер-министром. Будет нелегко, но пан маршал справится.

– Сколько именно лет я проживу?

– Пятнадцать, пан маршал.

Пилсудский кивнул.

– Пан Мессинг, не хотели бы вы продолжить службу в Варшаве?

Я понимал, что маршал не доброту свою проявляет, ему просто хотелось иметь меня под рукою, но и мне это было на руку (каламбур получился!).

– Хотел бы, пан маршал.

* * *

Так закончился этот длинный-предлинный день, один из тех, что влияли на мою судьбу. Пилсудский определил меня писарем при штабе, вот я сижу и пишу – уже палец болит, и это я еще опустил всякие подробности. Как меня вели под конвоем по Варшаве. Что я видел, о чем думал...

Положу себе за правило открывать дневник лишь тогда, когда надо будет сделать запись о действительно интересном, важном. Возможно, такое со мной будет случаться по разу в год, ну, так что же? Иные мечтают о такой жизни, когда ничего не происходит.

Все! Хватит. Устал.

5 июня 1920 года, Варшава

На прощанье Пилсудский подарил мне золотые часы. Я их носил, но смотреть, сколько времени, старался тайком. Мало ли...

В штабе было гораздо спокойнее, чем в казарме. Здесь тоже на меня косились, но хоть не насмехались над моим еврейством.

Наверное, я создавал впечатление человека стеснительного, этакой деревенщины, робеющего перед «столичными». Пускай.

Мне это только на пользу. Действительно, я никого ни о чем не расспрашивал, а ориентироваться в штабе мне помогала моя благословенная сила: «подслушивая» мысли служивых, я узнавал, кто где сидит, в каком звании и тому подобные мелочи, без знания которых не очень-то и послужишь.

Пару дней высижив в душной канцелярии, я получил задание доставить пакет на улицу Новый Свят. Быстро обернувшись, дождался еще одного пакета, тяжелого от сургучных печатей, и отправился на Маршалковскую.

Короче говоря, на третий день службы меня сделали курьером – мой непосредственный начальник, поручик Чеслав Ковальский, был доволен исполнительностью нового писаря, тем более что корявый почерк рядового Мессинга приводил штабных каллиграфов в неистовство.

А уж как был доволен сам рядовой! Не протирать стулья, не скрипеть пером, а гулять на свежем воздухе. Красота!

Задания я выполнял исправно, но и о себе не забывал – навещал знакомых, забегал в кафе, а однажды повстречался с Леоном Кобаком, весьма пройдошливым человеком. Леон согласился стать моим импресарио, но с одним непременным условием – что я буду слушаться его и вне сцены. «Ладно!» – сказал я.

Возвращаясь в штаб, я подумал, что давеча сгоряча назвал мою силу проклятой. А не кокетство ли это?

Что я значу без моих способностей? Да, я не просил Создателя наделить меня странными, подчас пугающими талантами, но смиришься уж, Велвеле. И кем же ты станешь, когда вдруг лишишься силы? Одним из мириада созданий, копошащихся в варшавском муравейнике?

Помню, однажды в деревне я перевернул старую, полуистлевшую колоду, а под ней кишели мураши. Они бегали, сустились, таскали яйца. Я тогда еще подумал, что это здорово похоже на городскую сутолоку.

Так как, Велвеле, готов ли ты стать в строй безвестных и безымянных граждан, стать интегральной единицей «народных масс»? Пока сила с тобой, Велвеле, ты – единственный на свете.

Дальнейшие дневниковые записи, вплоть до середины 1925 года, практически отсутствуют, сводясь к разрозненным подсчетам, иногда с короткими, энергичными комментариями («жадюга», «ворюга», «каналья»). Видимо, в адрес импресарио¹¹.

¹¹ Примечание израильского редактора.

4 августа 1925 года, Лодзь

С весны не мог найти свой дневник. Думал уже, что потерял, как он вдруг нашелся в одном из чемоданов, в кармашке на крышке.

Перечитал свои записи, испытывая снисхождение к тогдашнему себе, юному, непутевому, горячему.

Теперешний я – взрослый, солидный и опытный. Двадцать шесть лет скоро, не абы как.

Отец, правда, по-прежнему, как в детстве, зовет меня мишугенером¹², считая совершенно непрактичным и житейски несостоятельным. И у меня есть подозрения, что Леон склонен соглашаться с моим папашей – уж сколько раз мой импресарио дурил меня, присваивая себе куда больше, чем полагалось по уговору.

Правда, я никогда с ним не ругался из-за денег, поскольку корысть была его натурой. Кобак спал и видел деньги. Просыпался и думал только о деньгах. Говорил о них – и делал деньги, добывал их неведомыми, но законными путями.

Да и что толку ругаться? Попробуйте убедить горького пьяницу не пить! Да и куда я без Леона?

Что-то в нем было мне неприятно, что-то отталкивало, но Кобак обеспечивал мне хорошие заработки.

Конечно, по-всякому бывало. Тут как на море – то прилив, то отлив. Однажды два дня не ел, пришлось часы, подаренные Пилсудским, продать. А потом опять накатило – гастроли, аншлаги... Сил хватало на два выступления в день.

Самое интересное, что Леон не верил в телепатию, считая меня обычным шарлатаном, только что везучим. На первых порах я пытался Кобака переубедить, читая его мысли, но мой импресарио раз за разом «убеждался» в моем везении, и только.

«Молодец! – говорил он, когда я находил спрятанную им безделушку. – Тебе опять везет!»

Ну, что ты скажешь...

¹² Дурачком (идиш) (прим. русского редактора).

5 августа

Проснулся поздно и очень удивился, обнаружив рядом с собой хорошенькую девушку. Она тихонько посапывала, совершенно по-дитячьи, волосы цвета соломы были разбросаны по подушке, а одеяло открывало груди, похожие на опрокинутые чаши. Соски напоминали спелые малинки.

Я с трудом вспомнил, как ее звать: Беата. Она сама подошла ко мне вчера вечером, после выступления.

Я был рассеян, усталость давала себя знать, а Беата реяла вокруг, восторженно щебеча, шелестя кружевами и обволакивая запахом духов.

Мы вместе поужинали, прогулялись... и проснулись в моей постели.

Помнится, я лежал, смотрел на девушку и думал о том, что в мою жизнь пришло многое, а вот любви я так и не встретил.

Вот Беата – она милая, и фигурка у нее точеная, но я ничего к ней, кроме обычного влечения, не испытываю. Страсть – это прекрасно, но недостаточно.

Нужно, чтобы к девушке потянулась не только плоть, но и душа.

Вот только пока моя душа молчит – я ни разу в жизни не почувствовал, как говорят французы, «сердечного укола». Знать, не встретил ту самую, единственную.

6 августа

Напророчил будто! Поделившись с дневником своими печальями в обед, ближе к вечеру я встретил ЕЁ.

Мы с Леоном зашли в ресторан на Огородовой, сели за свободный столик, а ОНА находилась неподалеку – тянула из бокала шипучку и о чем-то болтала с родителями.

Поразительно, но я не сразу заметил эту девушку – был занят разговором с Леоном. Да каким там разговором...

Я вежливо ругался с моим импресарио. Он сказал, что, если бы не моя примечательная внешность, можно было бы сыскать двойника. Пусть бы, дескать, дурил зрителей в одном городе, а мы бы в другом...

Прибыль сразу вырастет – расширение дела!

Я возмутился – никого я, мол, не обманываю, все по правде, и я ни за что не позволю какому-то пройдохе позорить мое имя, пусть даже и за деньги.

«Нельзя же, – говорил я Леону, – все мерить на злотые! Есть же музыка, хоть я и ни черта в ней не смыслю, есть прекрасные картины, природа вокруг, девушки! А у тебя одни деньги на уме!»

Я отвернулся, хмуря брови и морщась, словно продолжая бесполезный спор. Именно тогда я и увидел Лею Гойзман.

Вернее, сперва я почувствовал ее интерес ко мне – это было как легкое, ласковое дуновение, будоражащее и греющее кровь.

Лея была очень мила и нежна, лебединая шея гордо несла изящную головку. Припухшие губки слегка улыбались, но большие черные глаза выражали куда больше чувств.

Было просто удивительно, как у ее отца, коренастого и нескладного, да у ее матери-простушки могла родиться такая прелесть.

Лея посмотрела на меня, удерживая взгляд целую секунду, и отвела глаза, боясь строгого папаши, текстильного фабриканта.

Это мелкое знание пришло ко мне будто само по себе, но я отмахнулся от такого пустяка.

Чтобы не вызвать подозрений у Гойзмана-старшего, я вернулся к разговору с Леоном, но был невнимателен. Импресарио вещал что-то о международной известности, о зарубежных гастролях, а я только кивал, порой невпопад.

– Я знаю, ты можешь, – настаивал он. – Значит, нужно довести число выступлений до трех в день!

В этот самый момент я узнал, где живет Лея, и замешкался с ответом.

– Нет, Леон, – покачал я головой, – даже два раза в день – это много для меня. Уж ты поверь, я сильно устаю.

Так мы продолжали болтать, но я не слишком вникал в суть, меня больше волновали те посылы, что наплывали от Леи, – они были приятны, как мгновенная ласка.

Гойзманы покинули заведение первыми, а мы с Леоном задержались. В дверях Лея обернулась, и мы снова встретились глазами.

У меня даже голова закружилась – почудилось, что девичье лицо совсем рядом, так близко, что от щек Леи веет теплом.

Вечер прошел скомканно, у меня все валилось из рук. Мне ничего не хотелось, только быть рядом с этой девушкой, которую я увидал впервые в жизни.

Мысли о том, что я влюбился, не мелькали – во мне жило опасение. Вдруг я ошибаюсь? Как вообще люди распознают любовь? Ведь это чувство никак не объяснишь, не выразишь

словами. Вон сколько веков подряд изоощряются поэты – перебрали все выражения и метафоры, а истины так и не ведает никто.

Не знаю, может, то, что я чувствую, и не любовь вовсе, но во мне впервые в жизни растет и укрепляется убеждение, желание: я хочу, я должен, мне очень нужно быть вместе с Леей.

Рядом, держась за руки. Хотя бы...

7 августа

Получил письмо от доктора Абея – обещает собрать ученых, чтобы изучить мой «феномен». Ответил ему в том смысле, что совсем не против, а даже за. Меня и самого беспокоят мои непонятные таланты.

Выступление прошло не слишком хорошо. Зрители, правда, ничего не заметили, хлопали, но я был очень рассеян. Еще ни разу я не думал столько о девушке. У меня словно пульсом раздается: Лея, Лея, Лея...

8 августа

Ночью я спал плохо, весь извертелся, но, как ни странно, выспался. И с раннего утра твердо решил встретиться с Леей, а для начала – договориться о свидании.

И еще во мне росла, крепла уверенность в том, что внушение к девушке лучше не применять вовсе – наши отношения должны развиваться естественно, как обычно, как у всех.

Я даже задумался над тем, какое большое место в моей жизни занимает внушение. Постоянно я что-то внушаю, буквально мимоходом. Прохожий узнает меня, а я не хочу задерживаться – и даю ему посыл забыть о Мессинге. Мысленно поторапливаю официанта или внушаю к себе почтение у громилы. Когда спешу, раздаю сигналы направо и налево, чтобы люди сторонились, уступая мне дорогу.

Я прекрасно помню, как впервые воспользовался своим талантом, сев в поезд до Берлина, – тогда для меня, мальчишки без гроша в кармане, голос кондуктора, вопросивший: «Ваш билет!», прозвучал как приговор строгого судьи. Я поднял какую-то бумажку с пола и протянул ему, моля небеса помочь, и кондуктор спокойно прокомпостировал обрывок...

Мне было совершенно непонятно, что же случилось, и позже я не пользовался своим даром, чтобы, скажем, «купить» булку за обертку, хотя меня шатало от голода. Совестно было, да и нельзя же себе потакать – преступая закон по мелочи, привыкаешь жить по-воровски, и отучить себя от этой пагубной привычки весьма непросто.

Хотя мне понятна тяга преступника нарушать установленные обществом и Богом заповеди – искушение бывает подчас сильнее воли.

Правда, с Леей все было иначе – даже в мыслях я не переступлю той черты, что отделяет честный и бесчестный поступок.

Дом Гойзманов находился на Пётрковской, на улице былолюдно, и мне не пришлось скрываться. Прогулявшись мимо садовой решетки пару раз, я случайно привлек внимание Леи – она выглянула в окно второго этажа.

Мы встретились глазами. Она сразу узнала меня, смутилась – и скрылась в глубине комнаты. Но этих секунд мне хватило, чтобы мысленно передать Лее: «Я буду ждать тебя в галантерейном магазине на углу!»

Окно медленно закрылось, а я неторопливо пошагал к лавке галантерейщика. Встречные девушки хихикали, замечая мою глуповатую улыбку, однако я ничего не мог с нею поделать – только сгоню ее с лица, как губы опять расползаются.

Побродив, понаблюдав за прохожими и экипажами, я вошел в магазин, внушая продавцам, что меня здесь нет (стань я шпионом, цены бы мне не было!).

То и дело звякал колокольчик, входили новые покупатели, а я всякий раз вздрагивал, высматривая панну Гойзман. Дух мой увядал, хотя надежда все еще подавала признаки жизни.

И вот появилась Лея...

Увидев меня, она замерла на мгновение, будто споткнувшись о незримый порожек, а после, наклонив голову, приблизилась к прилавку и стала перебирать какие-то ленточки или тесемки.

Я подошел и стал с нею рядом, вдыхая тонкий запах духов. Совершенно не помню, что я тогда высматривал, пуговицы, кажется. Даже попросил галантерейщика показать «вот эти, перламутровые».

Лея глянула на меня и улыбнулась – улыбка у нее была очень милая и немного лукавая.

«Я видела его всего лишь раз, – подумала она. – Как странно...»¹³

Взволновавшись, я усилием воли унял нервы и негромко сказал:

– Мы не знакомы, но не пора ли исправить эту досадную ошибку? – и улыбнулся, не сдерживая чувств.

В те мгновения у меня сложилось впечатление, что Лея воспринимала именно мою улыбку, а не слова. Она мило покраснела... Ничего не могу с собой поделать: все время на ум просится именно это слово. Мило, милая...

Все-таки волнение давало себя знать, я никак не мог сосредоточиться. И уже язвила совесть: моя решимость не использовать внушение с Леей таяла, как льдинка в ладони.

Девушка никогда ранее не знакомилась с молодыми людьми вот так, таясь, это рождало в ней неуверенность, чувство вины, испуг.

Не дожидаясь той горькой минуты, когда смутный страх подтолкнет Лею к бегству, я предложил ей прогуляться – и дал мягкий посыл, успокаивая и укрепляя доверие.

Мы вышли из магазина и медленно пошагали в сторону от дома Гойзманов.

– Позвольте представиться, – сказал я. – Меня зовут Вольф Мессинг, я менталист, выступаю со сцены в Варшаве, Берлине, Вене. Я прошу прощения за то, что прочел ваши мысли тогда, в ресторане, и прибег к внушению, чтобы встретиться с вами сегодня. Обещаю, что более не позволю себе такой вольности.

Ощувив, что Лея начинает успокаиваться, а любопытство ее и интерес ко мне растут, я и сам сбросил нервное напряжение. Все получилось! Мы идем вместе, Лея рядом со мной!

– И вы у всех-всех-всех можете читать, что они думают? – восхитилась девушка.

Ее ресницы захлопали, и мое бедное сердце застучало в такт, словно мячик, которым играла нежная девичья рука.

– Могу, – признался я, – но поверьте, Лея, в этом мало хорошего и привлекательного. Людские мысли лезут в мою бедную голову, и никак от них не избавишься. Поневоле станешь любить бывать в лесу, где никого – и тишина.

– А вон идет пан в котелке, видите? С рыжими усами! О чем он думает?

Одышливый пан, припадая на трость, проплелся мимо, пахнув крепким запахом табака и одеколона.

– Пан размышляет, стоит ли ему покупать дом на Базаровой, уж больно близко к кладбищу.

Лея рассмеялась – будто хрустальный колокольчик прозвенел.

И тут же погрузилась.

– К сожалению, я не могу полностью располагать своим временем, – вздохнула она. – Родители, а отец в особенности, косо смотрят на то, когда я еду куда-то одна, даже если в гости к подруге. Мне даже ходить пешком, вот как сейчас, не разрешается. Я должна ездить, и не одна, а с нашим кучером Янеком – отец ему доверяет полностью.

– Лея, а давайте встретимся в городском парке!

– А если Янек увидит, что я встречаюсь не с подругами, а с посторонним мужчиной? Он же сразу расскажет обо всем отцу!

– Не волнуйтесь, – улыбнулся я. – С кучером все будет в порядке. Он расскажет то, что надо.

Девушка все поняла по-своему и забеспокоилась.

– Это не тот случай, когда золотой ключ открывает все двери, – сказала она серьезно. – Янек не возьмет у вас ни гроша. Отец платит ему столько, сколько у других не получают

¹³ В мемуарах В. Мессинг приводит другие слова, но стоит больше доверять дневникам, как первоисточнику (*прим. израильского редактора*).

дворецкие. Янек не только кучер, он еще и охраняет меня. Он отставной капрал, очень храбрый и сильный человек.

– Все будет в порядке, доверьтесь мне. Кстати, как зовут вашу лучшую подругу?

– Фейга. Фейга Каценельсон. А что?

– Она блондинка или брюнетка?

– Скорее шатенка. А...

– Когда вы приедете в парк, то увидите там меня. А вот Янек останется в полной уверенности, что я – это Фейга.

– О-о...

Постояв, поболтав о всяких пустяках, имевших архиважное значение для пары, мы с Леей отправились обратно к ее дому. По дороге она подробно описала внешность Фейги Каценельсон, а я запомнил «особые приметы».

Все складывалось как нельзя лучше!

9 августа

Я отыграл представление словно по инерции, слишком уж был поглощен скорой встречей с Леей. Потом, отдыхая, я подумал вдруг, что в той картине будущего, которая открылась мне лет пять назад, было все: война, бегство, новая жизнь. Множество всяких событий, безусловно важных для истории, для прогресса человечества (или его регресса), но никаких провозвестий о моей супруге я не получил.

Вернее, передо мной витал расплывчатый образ некоей женщины, которую я любил, но кто она, как ее зовут, где мы с нею встретимся – этого я не знал.

Тогда, будучи в штабе при Пилсудском, я не слишком заморачивался проблемами личной жизни, они казались мне второстепенными, но сейчас, когда налаживаются мои отношения с Леей, я поневоле тревожился.

К беспокойству моему добавилась откровенная боязнь, когда вчерашним вечером я увидал «Человека-в-плаще».

Это был обычный с виду мужчина, усатый и, кажется, в пенсне. В обычной шляпе и старомодном плаще-крылатке.

Ничего особенного, но меня будто мороз продрал: я видел этого человека в Гуре, в тот самый день, когда первый раз в жизни напроорочил – сказал отцу, что корова у соседа сдохнет. Так оно и случилось, но я до сих пор мучаюсь вопросом: что тут было причиной, а что следствием?

Появился «Человек-в-плаще», и я сделал предсказание? Или я сперва предсказал – и он явился?

Он испугал меня тогда, а после снился в кошмарах. Вплоть до того дня, когда я решил бежать из дому, – прежде чем я сел на поезд, следовавший в Берлин, Человек-в-плаще перешел мне дорогу.

Он искоса глянул на меня, не выражая ни злобы, ни... вообще ничего не выражая. Посмотрел на меня равнодушно и пошел себе дальше. А я через какой-то час протянул кондуктору бумажку вместо билета...

И позже я видел «Человека-в-плаще». В Берлине, в Варшаве, в Вене. И вот, снова он!

Порой мне кажется, что «Человека-в-плаще» не существует, что он – моя выдумка, фантом, порожденный в момент сосредоточения. Вот только как это проверить? Если бы я вчера возвращался вместе с Леоном, то мог бы спросить импресарио: видит ли он то же, что и я? А так...¹⁴

Так что на свидание я отправился, немало тревожась.

Слава Богу, долго ожидать Лею не пришлось, повозка подъехала в назначенный час.

Глядя на мужиковатого кучера, рослого и крепкого, я внушил ему, что он видит хрупкую девушку.

Янек приподнял свою конфедератку и вежливо пробасил:

– Добрый день, пани!

Лея, сидевшая в повозке, фыркнула смешливо, я же улыбнулся кучеру, закрепляя образ в его сознании.

Подав руку девушке, я помог ей спуститься, и она оживленно прошептала:

– Он что, взаправду тебя не видит?

– Взаправду, – уверил я девушку.

¹⁴ Интересно, что в своих мемуарах В. Мессинг нигде не упоминает о «Человеке-в-плаще». Думается, что психиатр М. Буянов мог бы рассказать об этом – Мессинг обращался к нему за врачебной помощью, страдая от своей фобии (*прим. израильского редактора*).

– Да? А у меня такое чувство, будто вы с Янеком сговорились разыграть меня!

Оглянувшись, я увидел у входа в парк дебелую цветочницу и слабым посылом заставил Лею поверить, будто это генерал при всех орденах и причиндалах.

– Смотри!

Лея очень удивилась:

– Ой! Генерал продает цветы?! Ничего себе... Да как это?!

– Давай и мы купим цветы у генерала.

Выбрав букет, я заплатил цветочнице и повел Лею, глазевшую на генерала при полном параде. Отойдя шагов на десять, я сказал:

– Обернись.

Девушка обернулась и застыла, увидев не бравого вояку, а цветочницу.

– А... где же генерал? – пролепетала она. – Он же только что тут был!

– Не было никакого генерала. Это я тебе внушил, что ты его видишь. Понимаешь теперь, отчего твой кучер видит не Вольфа, а Фейгу?

– Ничего себе... – выдохнула Лея. Она посмотрела на меня с опаской и восторгом. – Ты как настоящий колдун!

– Ну, скажешь тоже. Колдун – это злое начало, нечисть из сказок, а я колдовать не умею, я только мысли читаю. Вот и вся моя магия. Приходи завтра на мой концерт, ладно?

– Ладно. Только я с матерью приду, одну меня непустят.

Мы долго гуляли по парку, а когда вышли к пруду, Лея прислонилась спиной к раскидистому дубу и сказала:

– Поцелуй меня.

Я ощутил ее волнение, приблизился и поцеловал. Губки у Леи были нежненькие, мяконикие...

Больше не могу писать. Проводив девушку, я допоздна бродил по улицам и теперь ужасно хочу спать.

Пусть мне приснится Лея...

13 августа 1925 года, Лодзь¹⁵

«Дорогая Лея!

У тебя замечательная подруга. Если бы не Фейга, я бы не получил ни одной из тех милых записочек, которые перечитываю снова и снова, подношу к лицу, закрываю глаза, вбирая нежный аромат твоих духов, и чудится мне, что ты рядом.

До сих пор во мне живо первое, самое свежее впечатление, когда я увидел тебя. Весь мир тогда будто погрузился в цветной туман.

Мысли о том, что я влюбился, в тот самый день не мелькали – во мне жило опасение. Вдруг я ошибаюсь?

Как вообще люди распознают любовь? Ведь это чувство никак не объяснишь, не выразишь словами. Вон сколько веков подряд изоощряются поэты – перебрали все выражения и метафоры, а истины так и не ведает никто.

Не знаю, может, то, что я чувствую, и не любовь вовсе, но во мне впервые в жизни растет и укрепляется убеждение, желание: я хочу, я должен, мне очень нужно быть вместе с тобой.

Рядом, держась за руки. Хотя бы...

Я помню все наши встречи, то и дело прокручиваю в памяти, как ты улыбалась, что говорила, на что очень мило сердилась.

Вспоминаю и улыбаюсь, ловя себя на умилении.

До того дня, когда увидел тебя, я даже не подозревал, что могу быть настолько сентиментальным. И нежным.

Да и как еще, если ты – сама нежность? И прелесть...

Все-таки удивительная штука – жизнь! Еще в июле я даже не подозревал, что в мире живет такая девушка, как Лея, а теперь точно знаю, что никогда ее не забуду.

А уж то, что и ты сказала мне главные слова, наполняет меня счастьем, ради которого и стоит жить.

Но что-то я поддался амурному настрою поэтов и сам ударился в плетение романтических словес. Между тем Лея – весьма практичная девушка, разумная, прехорошенькая, и вообще – красавица...

Ага, опять меня занесло. Стоит мне подумать о тебе, как сразу меняется поток моих мыслей, начинает кружить вокруг любимого имени.

Ты, вот, спрашиваешь, как я угадываю мысли? А я их не угадываю, я их как бы слышу. Они вроде как звучат у меня в голове.

Когда человек-индуктор находится далеко, я воспринимаю его мысли как неясное бормотание, будто голос за стеной – слышно, но непонятно. Но вот он приближается, мысли его делаются четче, разборчивей, внятней.

Хотя, если честно, поражает тот хаос, который творится в человеческих головах. Когда я беру мысль, это вовсе не значит, что я слышу этакого чтеца-декламатора, отнюдь нет. Разрывчатые, прерывистые мыслеформы скачут, появляются и исчезают, наслаиваются друг на друга.

Человек все время испытывает эмоции, и они постоянно баламутят поток сознания. А когда я стою на сцене, то в голове у меня звучит целый хор, причем все говорят вразнобой, и в этой каше очень трудно сориентироваться, отстроиться от толпы, сосредоточившись на каком-нибудь одном человеке.

¹⁵ Данная запись полностью, почти слово в слово совпадает с подлинным письмом В. Мессинга Л. Гозман. Вероятно, Мессинг использовал дневник в качестве черновика – лист густо покрыт помарками (*прим. израильского редактора*).

В этом здорово помогает телесный контакт – берешь человека за руку, и все прочие думки, со всего зала, будто отдаляются, становятся глухим фоном.

Милая Лея! Ей-богу, ты совершенно зря завидуешь мне и моим «чудесным» способностям.

«Магия моего мозга», как ты выразилась, совершенно не способна на истинное чудо. Например, чтобы любимая девушка ответила мне взаимностью. Но чудо это было-таки явлено!

Стыдно признаться, но я даже побаиваюсь иногда своего мозга, ибо не знаю, на что он способен, на какие еще выверты. Воистину, дар мой – благословение Господа, хотя иногда я сильно устаю от «магии» и начинаю мечтать о том, чтобы быть как все.

Трудиться, приходить с работы домой, к любимой женушке (ее зовут Лея), ужинать вместе или приглашать гостей, пропускать по стаканчику с друзьями, болтать, шутить, смеяться, хвастаться отметками сына и новым платьем дочери...

Это – счастье! И я верю, что оно не минет нас, а мой потаенный дар... Он нам пригодится в хозяйстве! Верно?

Знаешь, бывает так, что человек женится на красавице, а после бросает ее и уходит к женщине, не могущей похвастаться интересной внешностью. Почему так происходит, никто не ведает. Мы сами не знаем себя, полагая, что взлелеянные нами желания действительно искренние, но как часто оказывается, что человек не имеет ни малейшего понятия о том, чего он хочет на самом деле.

Можно легко убедить себя, что желаешь добра, а потом ты будешь потрясен, открыв в себе иное – радость и удовольствие от того, что творишь зло.

И только одному мне несказанно повезло – я встретил девушку, желания которой совпадают с моими собственными».

15 августа

Лея с матерью пришла на мое выступление и будто вдохновила меня – все номера прошли с блеском, утверждаю это без ложной скромности.

Правда, мать Леи ничему не удивлялась, в отличие от своей глубоко чувствовавшей дочери. Как говаривала бабушка Рейзл, «дочь раввина ничем не удивишь». А матушка Леи как раз и была из семьи раввина.

Впрочем, я не слишком обращал внимание на родственников моей возлюбленной, они для меня почти не существовали. Разве что изрядно мешали нам с Леей, исповедуя глупые ветхозаветные принципы и табу.

Спасибо Фейге – через нее я переписывался с Леей. Отец пани Каценельсон умер, девушка жила с матерью и старшим братом. Брат был в постоянных разъездах, а мать предоставила дочери свободу.

По крайней мере, она не просматривала ее почту, чем не гнушались родители Леи.

И вот в какой-то день, право, не знаю, в какой именно, моя любимая утратила последний страх ко мне, поверила мне, а потом случилось то, что наполнило блаженством нас обоих: мы признались друг другу в любви.

Удивительно, но я даже не помышлял о том, чтобы «приставать» к Лее. Не потому, что боялся лишиться невинности, а по другой причине – просто коснуться девичьей руки наполнило меня неопишуемым удовольствием, а уж поцелуй Леи...

Помню, однажды она поцеловала меня на прощанье, а я, уходя, чуть не приложился к стволу дерева, настолько был полон немого восторга, умиления, нежности и простого удовольствия.

В голове моей прыгали тогда не слишком связанные мысли: «Она! Меня! Поцеловала! Меня! Она!»

Думается, это волшебное состояние знакомо всем влюбленным.

А вечером мы расстались – я уезжал в заграничное турне, желая заработать кучу денег, поскольку отец Леи не признавал людей с тощими кошельками.

Нам с Леей было грустно, но мы любили друг друга, и нас ощутимо грела надежда – через несколько месяцев я вернусь и сделаю ей предложение. Это было мое решение и мое первейшее желание. А Лея заплакала.

– Ты не хочешь за меня замуж? – спросил я с нарочитой расстроенностью в голосе.

– Очень хочу!

– Так чего же ты плачешь, миленькая моя?

– А это от радости.

Мы долго-долго целовались, крепко прижимаясь друг к другу, словно пытаюсь согреться в преддверии зимы и разлуки, прощались, прощались и никак не могли расстаться.

А ранним-ранним утром я сел в поезд и вышел в Гамбурге. Отсюда должен был отправиться пассажирский пароход «Ганза», следовавший в Бразилию, до города с волшебным названием Рио-де-Жанейро...

23 августа

Когда «Ганзу» спустили на воду, ее окрестили гордым именем «Дойчланд». Но после войны победители отняли у немцев все их великолепные лайнеры, вроде «Бисмарка» или «Императора», и «Ганза» осталась чуть ли не единственным пассажирским пароходом, используемым для увеселительных прогулок – круизов, как англичане говорят.

«Ганза» велика, как «Титаник», в ее каютах легко расселились две тысячи пассажиров. На палубах «Ганзы» все еще сохраняется былая роскошь, а больше всего мне нравится здешнее кафе – со стеклянным куполом в высоком потолке.

Правда, устроились мы с Леоном скромно, в каютках второго класса, но море и ветер для всех одинаковы.

Мой импресарио не дал мне спокойно отдохнуть, он договорился с капитаном насчет выступлений «самого Вольфа Мессинга, проездом в Рио-де-Жанейро», и тот отдал на вечер один из салонов. За неделю пути, когда вокруг лишь волны до горизонта, пассажиры изрядно соскучились, а посему не поскупились на билеты – салон был набит битком.

В принципе, и на меня, отвлекшегося на целую неделю от сцены, все окружающее повлияло благоприятно – обычная программа с угадыванием и чтением мыслей давалась легко, без напряжения. Наверное, надышался морского воздуха...

Я шутил, смеялся, импровизировал, «держал», что говорится, публику, и публика отвечала щедрыми аплодисментами.

На другой день пришлось давать уже два представления: пассажиры, побывавшие на выступлении, рассказали своим соседям, поленившимся сходить, и число моих поклонников резко увеличилось.

А два дня спустя, когда мы шли в тропиках, на судне случилось ЧП. Сперва я не понял, в чем дело, отчего поднялась такая суeta, но Леон объяснил: произошло убийство.

Убили старую русскую графиню, занимавшую каюту первого класса. Видимо, старушке повезло оставить родину с ручной кладью, включая шкатулки с драгоценностями. Иначе проклинала бы большевиков, сидя в нетопленной парижской мансарде и подрабатывая консьержкой.

Не скажу, что ее смерть вызвала во мне чувство жалости. Нет.

Хотя к смерти я отношусь серьезно, и если это касается родственников или друзей, я обязательно поприсутствую на похоронах, уж таков мой обычай.

Но убийство графини... Я ее и не видел-то никогда и узнал о существовании сей почтенной дамы буквально час назад. Что я Гекубе, что мне Гекуба?

И вдруг сам капитан является ко мне в каюту, предлагая заняться расследованием убийства!

Вы же, мол, читаете мысли? Вот и докажите, что не зря едете на гастроли!

Сперва я хотел вежливо отказаться – дескать, я не детектив и не полицейский, а убийство – не игрушки, но тут в разговор вступил Леон и показал на листочке сумму, которую мне выплатят в случае раскрытия преступления.

Что мне оставалось делать? Отказаться? Чтобы орда моих «разоблачителей» взвыла радостно, получив на руки еще один козырь против меня? И я согласился...

* * *

Каюта русской графини была просторна, и в ней упорно держался запах лаванды – вероятно, хозяйка перекладывала белье сушеными соцветиями.

– Все, что я узнал, – энергично сказал Леон, зябко потирая ладони, – мне рассказал судовой врач и внук графини.

– Она путешествовала с внуком? – удивился я.

– Да как сказать... – хмыкнул Кобак. – Дело в том, что внук этот – не совсем внук. Вернее, совсем не внук. Обыкновенный жиголо. Смазливый молодчик, которого наша старушка подцепила в Париже. Жослен Вальдес, просто Жожо. Графиня Стадницкая, кстати, была не таких уж и преклонных лет – едва седьмой десяток пошел.

– Так отчего же она скончалась? Пуля? Нож?

– Яд! Вернее, редкое снотворное. Графиня была строгих правил – она всегда ложилась без пятнадцати десять. В девять она принимала ванну, а в двадцать минут десятого горничная заносила ей чашку горячего, крепкого чая, куда добавляла буквально две-три капли снотворного зелья, лишь бы в дрему потянуло. В половине десятого пани Стадницкая выходила из ванной, выпивала свой чай и ложилась – почитать перед сном. Ровно в десять ее посещал «внучек»...

– Пожелать спокойной ночи? – сострил я.

– Вроде того! Он-то и поднял тревогу, когда обнаружил графиню мертвой. Чай был выпит, но на дне чашки оставалось ложечки две густого настоя. Похоже, ливанули снотворного от души.

– Погоди, – задумался я. – Горничная приносила чай и уходила?

– Ну да.

– И графиня оставалась одна?

– Как перст. А-а! Я понял, к чему ты клонишь. Ключи от каюты имелись у самой графини, у горничной и у Жожо. Горничная – ее зовут Кати, вернее, Катя – и жиголо сидят в своих каютах. Запертые. Ключики у меня, капитан дал.

Я подумал и решил:

– Пошли тогда.

– К Кати?

– Понравилась? – сказал я ворчливо.

– Хорошенькая.

– Ладно, начнем с нее.

Катя, она же – Кати, оказалась действительно миловидной особой лет тридцати. Глаза у нее были красные – девушка плакала.

– Здравствуйте, пани, – поклонился я, тут же понимая, что Кати не понимает по-польски. – Гутен таг, фроляйн.

С немецким у горничной обстояло все куда лучше, чем у меня самого.

– Скажите, Кати, вчера все происходило по обычному порядку?

– Да, господин Мессинг, – поспешно ответила Кати, – госпожа графиня очень не любила что-то менять в своей жизни и расписывала весь день буквально по минутам.

– Вы появились в каюте у графини тоже как обычно?

– Да.

– Дверь была закрыта?

– Да, конечно. Госпожа графиня всегда запиралась.

– Вы открыли дверь, подали чай... А лекарство? Оно было у вас с собой?

– Нет-нет! Это был какой-то редкий настой, то ли из Африки, то ли из этой самой Бразилии. Густой такой, чайного цвета. Он хранился в пузырьке с притертой пробкой. Я должна была набрать его пипеткой и капнуть в чай три капли.

– Именно три?

– А как когда. Мне не рекомендовалось заходить в ванную – госпожа графиня всегда мылась одна. Принося чай, я громко спрашивала ее, сколько капель добавить, и она отвечала – три или хватит двух.

– А бывало и больше?

– Редко. Если госпожа графиня хотела спать, то было нужно капнуть шесть или семь раз.

– Понятно. А на вкус он каков, этот настой?

– Госпожа графиня говорила, что он лишен вкуса. Терпкий только.

– Ага... Ну, в крепком чае терпкость не слишком чувствуется. Итак, Кати, вы оставили чай и ушли?

– Да.

– И заперли дверь?

– Конечно.

– Последний вопрос. О распорядке графини Стадницкой и о том, что она принимает на ночь, знал еще кто-либо, кроме вас и Жослена?

Горничная задумалась:

– Ну-у... Н-не знаю точно... Обычно госпожа графиня загорала на палубе или играла в преферанс. Однажды я прислуживала ей за игрой – подавала сельтерскую – и слышала разговор. Все говорили о лекарствах, перешли на успокаивающие капли, и госпожа графиня сказала тогда, что постоянно принимает средство племени бороро, как она выразилась, «в гомеопатических дозах».

– Хм. Вот как... – задумчиво проговорил я с видом знатока. – Ну, что ж, спасибо, Кати. И не тревожьтесь, вы ни в чем не виноваты.

Я говорил правду: ни единой нечистой мысли я не воспринял от Кати – это была честная, работающая девушка.

– Ох, – всхлипнула горничная, – ваши слова да к Богу в уши...

Выйдя от Кати, я сразу проследовал к Жожо. «Внучек», в отличие от перепуганной Кати, метался по каюте, весь какой-то всклокоченный.

– Какого черта?! – возопил он. – Почему меня держат взаперти? Я арестован? Или вы полагаете, что это я убил Ирэн?

– Графиню звали Ирэн? – спокойно осведомился я (Леон благоразумно занял место в дверях).

– Ее звали Ирина, – буркнул Жослен, сникая.

– Пан Вальдес, я всего лишь хочу разобраться в случившемся. По чести говоря, моего желания здесь меньше всего, просто капитан корабля поручил мне расследование убийства...

– Я не убивал ее! – снова заорал Вальдес.

– А я вас и не обвиняю, – по-прежнему спокойно сказал я. – Мне нужно задать вам несколько вопросов. Вы позволите?

– Валяйте...

– Зная о привычке пани Стадницкой к строгому распорядку дня, хочу уточнить: вы пришли к ней ровно в десять? И открыли дверь своим ключом?

– Пришел, – нехотя ответил Жослен, – но не открыл. Обшарил все карманы и не нашел ключа. Тогда я быстро спустился к себе, обыскал тумбочку, вещи... Ключа не было. Тогда я спешно возвратился и постучал в каюту графини, надеясь, что она простит мне маленькое опоздание. Однако дверь мне никто не открыл, хотя в каюте горел свет. Это-то и показалось мне странным: Ирэн терпеть не могла спать даже при горящем ночнике, свет ей мешал. Я, помню, испугался: мало ли что могло случиться! Сбегал к Кати, она дала мне свой ключ, им я открыл дверь каюты Ирэн... И увидел ее – мертвую. Она лежала, как всегда, в этом своем

восточном халате, в разжатой руке была книжка. А Ирэн... Она была бледна, как снятое молоко – знаете, такое, голубоватого оттенка.

Я кивнул.

– То есть пропажу ключа вы обнаружили именно в день убийства?

– Да! Вчера еще он был у меня с собой.

Я задумался. То, что Кати не рассказала о том, что одолжила свой ключ Жослену, меня несколько не напрягло – я ведь об этом и не спрашивал. А вот пропажа ключа у Вальдеса... Вот это было подозрительно.

Но, опять-таки, Жослен не лгал мне. Это был очень простой и простодушный парень, недалекий и не злой. Такой по природе своей не способен на низкое коварство. Нет, убить он может, как и все, но не тайком, не хладнокровно.

И только тут до меня дошло, что я не заинтересовался главным – мотивом. Зачем той же Кати или Жослену убивать графиню? Какой в этом смысл, или спросим иначе: какая выгода?

Итак, кому выгодно?

– Скажите, Жослен, – медленно проговорил я, – а у графини ничего не пропало? Я имею в виду из ценных вещей?

– Пропало, – кивнул Вальдес. – Большой, очень большой рубин. В такой вот оправе, на золотой цепочке, как бы из бусинок. По словам графини, этот камень был подарком влюбленного в нее мужчины – этому Ромео очень не повезло, его расстреляли большевики. Такой рубин стоит целое состояние, и Ирэн никогда не расставалась с ним, не снимала даже в ванной.

– Ага! – оживился я. – То есть раньше вы всегда заставляли ее с этим кулоном, а вчера его не оказалось?

– Его сорвал убийца! – пылко воскликнул Жослен. – Уверен в этом! Знаю, – снова увял он, – вы подозреваете меня. Конечно, обладая таким камнем, как «Яхонт», я смог бы разом решить все свои проблемы, но, клянусь, даже в мыслях у меня не было лишать Ирэн жизни!

– Я вам верю, Жослен. Вы упомянули странное название... Яхонт, кажется?

– А, да. Так русские в старину называли рубины – яхонтами.

– Вот оно что... Понятно. Скажите, когда вы вошли в каюту, никакого беспорядка не обнаружили?

Вальдес помотал головой:

– Нет-нет. Ирэн была помешана на порядке, хотя вроде и не германских корней. Все было как всегда...

– И последний вопрос. Где вы держали ключ, в каком кармане?

– Вот тут, в пиджаке.

– Не думаю, что тут поработал опытный карманник. Скорее... Вот что... В тот день не случилось такого, чтобы вы снимали пиджак?

– Да нет вроде... – затруднился Жослен. – Хотя... Ну да! После обеда я играл в бильярд. Пиджак я снял, чтобы не стеснять движений, и повесил рядом, на спинку стула.

– А с кем вы играли, если не секрет?

– С капитаном.

Я откланялся и вышел вон. Мне было о чем подумать. Леону было легче – импресарио сразу заподозрил капитана.

Действительно, при взгляде на этого моряка с грубым, словно бы испытанным голосом и бестрепетным взглядом, сразу напрашивалась ассоциация с пиратами и флибустьерами.

Однако я точно знал: капитан «Ганзы» чист и невиновен.

Как говорила бабушка Райзл, «думай, думай, голова!».

2 сентября, Атлантика, борт корабля «Ганза»

Думал я чуть ли не до полуночи, ворочался, потом как-то так получилось, что стал представлять себе Лею... С тем и уснул.

А с утра отправился к капитану.

Нет, сомнений в его невиновности у меня не было, просто надо было кое-что узнать. Идей было много, и версия смутно, но просматривалась.

Капитан принял меня тотчас же.

– Господин Мелькерсен, – начал я, – правда ли, что в день убийства вы играли в бильярд с Жосленом Вальдесом?

– А-а, с этим... – презрительно фыркнул Мелькерсен. – Ну да, был такой факт. Думаете, это все-таки он?

– А вы? – улыбнулся я.

Капитан покачал головой.

– Не тянет он на убийцу, – сказал он с сожалением. – Слабак. Неженка. Да и вообще – альфонс!

– Вот и я того же мнения. Я вот что хочу от вас... Позвольте, я загипнотизирую вас. Обычный человек помнит все, что с ним было, но когда берется вспоминать, мало что всплывает в памяти. А вот под гипнозом воспоминания раскрываются куда глубже.

– Ну, если надо... – проговорил капитан неуверенно.

– Надо, – твердо сказал я.

– А, давайте!

Встав, я вытянул руку и приказал:

– Спать!

Мгновенное усилие воли подействовало сразу – Мелькерсен безвольно откинулся на спинку кресла, взгляд его затуманился.

– Господин Мелькерсен, вам хорошо и спокойно, – заговорил я монотонным голосом, – никакие тревоги и проблемы не беспокоят вас, все идет как надо... Ваша память могуча, вы помните все, что было с вами... Вы возвращаетесь в тот день, когда играли с Вальдесом в бильярд... Вот вы с кием в руках обходите стол... Где стоит Вальдес?

– Напротив, – пробормотал капитан.

– Он в пиджаке?

– Нет, только что снял и повесил на стул...

– Стул далеко?

– Рядом...

– Приглядитесь внимательно: никто не подходит к стулу? Никого рядом нет?

– Вертится тут один тип... Португалец вроде... То ли Вельо, то ли Вельго... Заносчивый – страсть! Ага... Вот же ж! В карман полез!

– Он трогает пиджак Вальдеса?

– Трогает?! Да он его лапает! Вон, полез в карман, тащит чего-то... А, да это ключ! Я сделал движение рукой, и капитан пришел в себя.

Посмотрел на меня с недоумением, нахмурил лоб, потер щеку, словно припоминая.

– Так я, что, и вправду спал? – осведомился он.

– И вправду. Минуты четыре, не больше, но... Чувствуете, что отдохнули?

Мелькерсен поерзал и вдруг улыбнулся.

– А ведь верно! Будто выспался наконец. А то эти вахты... Да! Так вы как, узнали чего?

– Вы вспомнили, капитан. Некого португальца, то ли Вельо, то ли Вельго...

– А-а! Как же, как же... Наш штурман прозвал его сеньором Зазнайкой. Хотя... Знаете, на публике этот Вельго появлялся редко, даже обед ему в каюту носили. Не понимаю, чего ему особенно зазнаваться, хотя Вельго и барон. Кстати, он сосед графини Стадницкой.

– Ах сосед...

Тут у меня словно сверкнуло что – разрозненные факты, никак не желавшие совмещаться, вдруг совпали, все и сразу, как зубцы у шестеренок.

Мне вспомнилось, какие тонкие переборки отделяли каюты – стоя во временном убежище графини, я прекрасно слышал голоса соседей. Слов было не разобрать, но если приложить ухо к переборке...

– Мне кажется, – медленно проговорил я, – я знаю, кто убил графиню.

– Кто?! – выдохнул капитан.

– Надо бы нам собраться у барона Вельго...

– А он пустит нас?

– А мы его убедительно попросим!

И вот я с капитаном, прихватив Леона, Кати и Жослена, явились к барону.

На мой настойчивый стук Вельго долго не открывал, но вот дверь отворилась, и в коридор выпянул мужчина лет шестидесяти, с клочкастой бородкой, с мешками под глазами. Лицо у него было угрюмым, неся на себе явные признаки попойки.

Болезненно поморщившись, барон процедил:

– С кем имею честь?

Я напряг волю, посылом приводя Вельго в нужное мне состояние. Это было непросто – барон был из тех людей, что плохо поддаются внушению. Однако, ослабленный выпивкой, бессонной ночью и переживаниями, Вельго поддался.

– Проходите...

Пошатываясь, шаркая остроносими тапками-кавушами, кутаясь в мятый халат, барон прошествовал в каюту и рухнул в мягкость кресла, тут же наливая себе коньяка в стакан.

Не морщась, выпил, выдохнул и утер тыльной стороной ладони вялый рот.

Приглашенные мной зашли и расселись, занимая диван и стулья. Бледная Кати испуганно жалась в уголку, а Жослен, мятый и мрачный, нахохлился, сверля взглядом барона. Леон не скрывал своего живейшего интереса, а капитан все прямил спину.

– Господин Вельго, – начал я официальным голосом, – вы обвиняетесь в убийстве графини Стадницкой!

Барон не вздрогнул даже, кивнул только и снова потянулся за бутылкой.

– Ох! – вырвалось у горничной.

– Ах, ты... – начал Жослен, привставая, и снова упал на жалобно скрипнувший стул.

– Но... как? – удивился Мелькерсен.

– Да, да! – живо поддержал его Кобак. – Как?

– Очень просто, – сказал я. – Проживая за стенкой, господин барон хорошо слышал, кто приходил к графине и когда. А услышав однажды от самой госпожи Стадницкой, что она принимает снотворное зелье, настоящее чуть ли не колдунами из племени бороро, господин Вельго понял, как именно совершить убийство...

Барон помотал головой.

– Вот тут вы ошиблись, господин детектив, – глумливо усмехнулся он. – О настойке я знал давно.

– Ну, я тоже не всеведущ. Узнав все, что было нужно, вы похитили ключ у господина Вальдеса и в тот же вечер совершили задуманное: дождавшись, пока горничная принесет чай и покинет каюту, вы проникли туда сами и опорожнили пузырек со снотворным едва ли не наполовину. Вышли, закрыли дверь, вернулись к себе и стали ждать.

– Да, – выговорил Вельго, изрядно отхлебнув, – я даже чересчур долго дожидался. Вошел, значит, закрыл дверь за собой и тут слышу, как в дверь стучит этот альфонс – больше-то некому. Я еле успел снять кулон и уйти, как он опять прибежал.

– Так, значит, вы признаетесь в содеянном? – грозно спросил капитан.

Вельго пожал плечами:

– Признаюсь... Да, я убийца.

– И вор! – веско добавил Жослен.

– О нет! – пьяно захихикал барон. – Графиня, должно быть, рассказывала о том, что рубин ей подарил мужчина, безумно в нее влюбленный? Так вот, мужчиной этим был я! Только ничего я Ирине не дарил, она сама, сбегая из Петрограда, «прихватила» кулон и прочие цацки. И я вовсе не случайно оказался в соседней каюте – сам нарочно все устроил. Мне нужно было наказать эту вертихвостку, сдавшую меня ЧК! Что, вздыхала небось, повествуя о моем расстреле? Ошиблась Ирка! Бежал я из чекистских подвалов. Ужель кавалергарду не справиться с «ревматом»? Не в курсе, кто такие ревматы? Это р-революционные матросы. Революционные м-мужеложцы...

Я покачал головой.

– Не знаю, что у вас и между вами было в прошлом, – сказал я серьезно. – И не буду касаться «Яхонта», это пустяки. Главное в том, что вы убили женщину, пускай даже и не лучших нравственных правил.

– Это да... – вздохнул барон и печально покачал головой. – Я хотел этого, и вот, исполнил желание. А радости нет... Преступление и наказание! Да-с...

Допив коньяк, он встряхнулся. С трудом поднявшись, Вельго добрался до комода, цепляясь за стулья, за стол. Покачиваясь, он держался одной рукой за выдвинутый ящик, а другой рылся в несессере. На солнце блеснула стеклянная ампула.

Не раздумывая, не выгадывая лишних минут, барон сунул ампулу в рот.

Я понимал, в чем дело, но продолжал сидеть. Жослен метнулся было, но даже не оторвал седалища от сиденья.

– Прощайте, господа, – невнятно сказал Вельго и раскусил ампулу.

Хрустнуло стекло, и барон мягко повалился на ковер, раскидывая руки. Я уловил слабый запах миндаля.

– Цианистый калий... – пробормотал Леон.

Горничная охнула, а Жослен будто оплыл на стуле, сгорбился.

– Voila, – заключил капитан.

7 сентября, Рио-де-Жанейро

Спасибо Леону, он все устроил, и у меня никаких проблем с бразильской полицией не возникло. Напротив, мою версию дружно признали, и стала она официальной. Аминь.

В Рио-де-Жанейро стояла зима – плюс 25.

Я был в полном восторге: зеленые пальмы, голубое море! Золотистые пляжи Копакобаны!

Богатые дома с зеркальными окнами, обилие негров и мулатов, сверкавших белозубыми улыбками, а на склонах – россыпи лачуг, будто и в самом деле просыпан мусор.

Там царят нищета и разврат, а любой чужак рискует лишиться не только бумажника и одежды, но и самой жизни.

Ну, пока я, подвернув штанины, бродил по пляжу, Леон развернул бурную деятельность. Уже на следующий день состоялись мои первые выступления, а неделю спустя мы с Кобаком вылетели в Манаус, столицу Амазонии.

Причем полет шестиместного «Юнкерса» был оплачен тамошними воротилами.

Амазонские плантаторы, озолотившиеся на продаже каучука, выстроили в Манаусе огромный оперный театр, пустили по улицам трамваи – знай наших!

Правда, каучуковая лихорадка сошла на нет, множество людей разорилось, однако, видимо, деньги еще не кончились.

На полпути к Манаусу самолет сделал посадку на крошечном поле посреди сельвы, как здесь называют джунгли. Пока летчики катили бочки с бензином и перекачивали его в баки, из зарослей показались трое настоящих индейцев – голые, в одних повязках, с перьями в волосах, они казались неотторгаемой частью леса.

Двое дикарей были молоды и поддерживали третьего, старого и безразличного ко всему.

Увидев меня, старик восторженно и велел своим провожатым подвести себя к бледнолицым. Скользя взглядом по Леону, он вперился в меня черными и зоркими глазами.

– Я видеть большая сила, – прошептал он. – Очень-очень большая. Она исходит от тебя, как свет от костра в ночи. Не трать ее на зло, бледнолицый...

– Не буду, – пообещал я.

За конец осени 1925 года и зиму 1926-го записей в дневнике не было¹⁶.

¹⁶ Примечание израильского редактора.

12 февраля 1926 года. Польша, Лодзь

Ах, с каким нетерпением я ждал встречи с Леей! Как возмутительно неторопливо плыл наш пароход – он словно стоял посреди океана, не двигаясь. И так день за днем.

Приближение европейских берегов я ощутил не глазами, а всем своим разнеженным организмом, привыкшим к тропической жаре.

Задули зябкие ветра, а море, еще недавно переливавшееся всеми оттенками изумруда и топаза, вдруг посерело, набралось холодной свинцовой угрюмости.

И все же я рвался навстречу снегам.

Сойдя в Гамбурге на берег, я тут же поспешил на вокзал. И теперь уже паровоз неспешно катил, выматывая душу.

Приехав в Лодзь, я буквальным образом полетел на Пётрковскую. Еще час, и я заключил в объятия мою Лею.

Право, не помню, что я говорил девушке, как изливал свою любовь и радовался избавлению от тоски. Лея смеялась и плакала.

Все было не просто хорошо, все обстояло за-ме-ча-тель-но!

Лея запрыгала, когда я показал ей обручальное кольцо, но решение о замужестве дочери в приличной еврейской семье принимал отец.

И вот я на следующий же день обрядился в свой лучший костюм, еще и одолжил у Леона заолку для галстука с бриллиантом. И отправился к Гойзману-старшему добиваться согласия на брак с Леей.

И вот мы сошлись, жених и отец.

Не знаю уж, почему мне казалось, будто породниться с Гойзманами – мероприятие простое. Я почему-то нисколько не опасался противодействия отца Леи. Конечно же, я ожидал капризов, торга, обсуждения самых важных, по мнению родителей, вопросов – к примеру, где жить молодоженам.

Однако Гойзман грубо разрушил все мои мечты.

– Моя дочь, – сказал он резко, – не может стать женой шута. А еврею из славного благочестия города Гура-Кальвария не подобает заниматься балаганными штучками.

– Позвольте, – возмутился я, – с чего бы я был шутком? Я – артист! И выступаю отнюдь не в балаганах!

Отец Леи небрежно отмахнулся от моих слов.

– Мой ответ: нет, нет и нет!

У меня оставался последний выход – воздействовать на «тестя» своей силой, но этот человек оказался непробиваемым. Встречаются такие люди и на моих выступлениях. Их лица ничего не выражают, в глазах их ничего не отражается. Они, словно Големы, ни о чем не думают. Может, это и преувеличение, но я не могу «взять» их мысль.

Я покинул дом Гойзманов, словно в нездоровом трансе. Светило солнце, но вокруг меня сгустился сумрак.

Леон, увидев меня, забеспокоился – не заболел ли я? А то, не дай Бог, придется деньги возвращать за проданные билеты...

– Гойзман отказал мне в руке дочери, – сказал я убитым голосом.

Кобак облегченно выдохнул.

– Несчастливая любовь похожа на корь, – сказал он, улыбаясь. – Ею надо переболеть однажды, чтобы больше никогда уже не болеть.

– Много ты понимаешь! – обиделся я.

Мы крепко поссорились, но вечером я все же вышел на сцену. Куда деваться?

14 февраля

Я был убит. Или Леон прав и это болезнь? И я выздоровею?

Все, все рассыпалось у меня!

Я очень хотел видеть Лею, но ее мать, опасаясь (правильно опасаясь!), что девушка сбежит со мной, увезла мою возлюбленную в Белосток, к дальней родне.

Перед отъездом Лея сумела написать мне письмо и отправить его через свою горничную. Она писала, что сердце ее разбито, что она любит меня, но не может пойти против воли отца, и умоляет забыть ее.

Разумеется, моей первой мыслью было броситься в погоню за девушкой, но отец ее, как оказалось, предусмотрел и это – заявил в полицию, что я преследую его дочь. Беседа с полицейскими чинами вышла, скажем так, весьма неприятной. Мне даже пригрозили арестом.

Разумеется, меня это не слишком испугало – я был твердо намерен выехать в Белосток за Леей, а дальше видно будет.

Я оставил у Фейги письмо для Леи, в котором написал, что мы непременно будем вместе, что я люблю ее больше жизни и скоро мы встретимся, чтобы больше никогда не расставаться.

Моя решимость довела меня до Варшавы, где я узнал ужасную новость: Лее сыграли свадьбу.

Гойзман-старший вовсе не зря отсылал ее в Белосток – там у Леинового отца был компаньон, а у компаньона – сын...

В общем, Лею срочно выдавали замуж, лишь бы она не досталась «шуту»...

Я бросился обратно в Лодзь, где молодожены гостили у Леиных родителей. Мне даже удалось увидеть мою возлюбленную.

Лея заплакала и убежала. Все было кончено.

В тот вечер я напился впервые в жизни.

За весь следующий год дневники либо не сохранились, либо В. Мессинг их не вел¹⁷.

¹⁷ Примечание израильского редактора.

23 мая 1927 года, Берлин

На второй день гастролей в Берлине ко мне в гостиницу «Адлон» явился сам доктор Абель, которому я, в принципе, обязан своим нынешним положением – это он помог мне разобраться с собственными способностями, ставил первые опыты, в которых я участвовал, как послушный «кролик», и направил меня на сцену.

Абель несколько не изменился, все такой же живой, сухопарый и увлекающийся. Разве что седины в волосах прибавилось изрядно.

Доктор пришел зазывать меня в Немецкое психологическое общество, куда как раз съехались светила германской психологии: Штерн, Хорни, Адлер, Бирнбаум. Был даже гость из Советской России – профессор Шпильрейн.

Абель предлагал мне поучаствовать в опытах, чтобы, как он выразился, «вызвать, откуда что в тебе берется». Я, конечно, согласился, поскольку меня самого весьма интересовало, что я такое, как устроено то, что доктор называл «феноменом Мессинга».

Ровно в 10:00 я вошел в большой дом на Фридрихштрассе. Меня провели в огромную лабораторию, сиявшую белизной и блестящую кафелем. Все это неприятно напоминало больницу, но я подавил ассоциации.

Профессора обступили меня, разглядывая с любопытством, словно уродца из кунсткамеры. Больше всех суетился Абель, представляя меня как выдающегося менталиста.

Профессор Штерн первым не выдержал и предложил начать работу – с испытаний.

Я по просьбе Штерна продемонстрировал то, что обычно именуется телепатией, то есть восприятие чужих мыслей. Члены комиссии, а также студенты-добровольцы загадывали различные слова и выражения, записывая их в блокнотах, но я назвал их все, без ошибки – сказывался большой сценический опыт. При этом двое студентов всячески мешали мне, мысленно проговаривая другие слова. Я вычислил их обоих.

Интересный момент: я не только угадал, куда, согласно заданию, положил свою ручку профессор Штерн, но и «взял» глубинную мысль – господин В. Штерн еще год назад отнес на чердак своего дома одну из старых книг и забыл об этом. Я выявил это старое воспоминание. Правда, случайно.

Затем я погружал добровольцев в гипнотический сон одной резкой командой: «Спать!» – или вовсе отдавал подобный приказ без слов, мысленно. Профессор И. Шпильрейн высказался в том смысле, что отдача мысленных команд доказывает, что внушение производится не речью и пассажами, а с применением неизвестного вида энергии.

Я тут же согласился с ним, возможно, слишком горячо, потому как и сам пришел к тому же выводу. Вот только я не ученый и ничего не способен доказать. Как уловить эту неизвестную или известную энергию? Как опознать поле, создаваемое мозгом? Мне это неизвестно, вся надежда на науку.

Я продемонстрировал перед комиссией свой давний прием, проехав вдвоем с профессором Хорни на его машине по внутреннему двору. При этом за рулем сидел я сам, не умеющий водить, с плотной повязкой на глазах – а профессор расположился рядом и, положив руку на мое плечо, мысленно отдавал команды: «влево», «вправо», «вперед». И я, не видя дороги, несколько раз объехал двор, повинаясь профессорской мысли.

Я даже показал ученым то, чего никогда не выносил на сцену, – телекинетическое воздействие на мелкие и легкие предметы. Перемещал по столу спички и пустой спичечный коробок, не прикасаясь к ним руками, вращал стрелку компаса.

При этом приборы фиксировали резкое усиление электрического поля вокруг моих рук, а их прикосновение к добровольцам оставляло красные пятна, похожие на следы ожога. В то же время усиливалась электропроводимость воздуха.

Возбужденные профессора спрашивали меня, как я это делаю! Станный вопрос. Как раз им-то и следовало найти на него ответ.

На профессора Адлера жалко было смотреть. Когда он убедился в том, что к пачке сигарет, которую я передвинул телекинетически на пятнадцать сантиметров, не привязаны шелковые ниточки, за которые я будто бы тяну пачку, он увял.

Ситуация была трагикомическая – Адлер походил на атеиста, которому явился ангел божий. Крах мировоззрения!

Профессор потребовал, чтобы стол, по которому двигались сигареты, а до этого – спичечный коробок, был застелен белой бумагой. Ее расчертили на квадраты, отмечая продвижение предмета и расстояние, на которое тот переместился.

Адлер внимательно следил, чтобы я не касался стола, и даже не дышал. Для пущей чистоты эксперимента ученые выставили стеклянный экран – теперь-то я уж точно не сдую коробок! Интересно, члены комиссии прикинули хотя бы, какие легкие нужно иметь, чтобы так дуть? И как это сделать незаметно?

Тем не менее экран мне ничуть не мешал – и пачка, и коробок продолжали двигаться по столу. Ученые принялись менять экраны – ставили передо мной завесу из бумаги, фанеры, даже из кровельного железа.

Опытным путем было установлено, что дерево не затрудняло передвижения предметов силою мысли. Перегородки из металлической сетки и жести, установленные между мною и добровольцами, мешали, но не препятствовали сеансу «чтения мыслей».

Проф. И. Шпильрейна это натолкнуло на мысль о том, что при телепатии не используются электромагнитные колебания – они бы экранировались. Однако профессоров Адлера и Бирнбаума эксперименты не убедили.

Профессор Хорни предложил использовать обычные весы, наподобие тех, что есть у аптекарей. Они годились для взвешивания порошков и прочего, массой в 20–30 граммов.

Что мне надо было делать? Надо было силой мысли давить на одну из чашечек, осуществляя на нее воздействие, как бы нагружая ее. Тут даже Адлера проняло, едва одна из чашечек дрогнула и пошла вниз, достигая столешницы.

Профессор Хорни осторожно положил на другую чашечку гирьку в двадцать граммов – я держал. Лишь когда вес достиг тридцати пяти граммов, пустая чашечка медленно уравнилась с той, на которой лежали две гирьки. Я «поднял» вес в тридцать граммов!

И был еще один интересный опыт: все тот же коробок спичек поместили под стеклянный колпак. Я подвинул его – стекло мне не мешало. Однако когда из-под колпака высосали воздух и там образовался неглубокий, но вакуум, я затруднился с телекинезом, что-то мне очень мешало – коробок едва дергался.

Профессора снова оживились, стали лопотать, на ходу сочиняя новые термины – ученые это просто обожают.

Помнится, Штерн сказал, что «так называемая электроэнцефалограмма, полученная профессором Г. Бергером¹⁸, позволяет провести сравнительный анализ между ЭЭГ студентов-добровольцев и В.Г. Мессинга. Анализ показывает, в частности, что в обычном состоянии запись биотоков головного мозга В. Мессинга почти не отличается от ЭЭГ членов контрольной группы, однако когда подопытный входит в транс, демонстрирует катаlepsию или «чтение мыслей», электрическая активность его мозга резко меняется, прежде всего по параметрам амплитуды».

Я мало что понял из его слов, да и комиссия не сочла себя вправе делать выводы на основе метода энцефалографии – он, дескать, не получил пока широкого распространения.

¹⁸ Ганс Бергер (1873–1941) – немецкий физиолог и психиатр, один из создателей метода электроэнцефалографии (прим. израильского редактора).

Тем более что сам профессор Бергер, рассматривая возможности электроволновой модели для объяснения феномена экстрасенсорного восприятия¹⁹, счел их недостаточными.

В общем, я покинул дом на Фридрихштрассе разочарованным. Ученые ничего не объяснили, только все запутали. А главный вывод таков: если бы способность к телепатии исследовалась хотя бы у десятка человек, то можно было провести анализ, сравнить результаты и вообще – говорить о повторяемости эксперимента. Но когда «испытуемый» находится в единственном числе, применять научные методы не представляется возможным.

Хорошенькое дело!

¹⁹ Термин «экстрасенсорное восприятие» ввел в 30-х годах американский ученый Д. Райн (*прим. израильского редактора*).

25 мая

Попробую, хотя бы примерно, описать свои впечатления от опытов. Вдруг потом это пригодится каким-нибудь ученым.

Не знаю, зачем профессор Адлер запускал генераторы Ван-Граафа²⁰ и чего он хотел этим добиться, но работа этих аппаратов вызывала у меня болезненные ощущения в районе позвоночника, хоть и в легкой степени.

Вообще, должен заметить, что во время сосредоточения, когда я отстраиваюсь от внешних помех, легкие боли в позвоночнике случаются едва ли не в половине случаев. При этом слегка размывается зрение. Знаю, что глаза и спинной мозг составляют единое целое с головным, но уж какая тут связь, мне не ведомо.

Помимо того, электроразряды генераторов создавали помехи концентрации внимания – они будто разжижали мои усилия. Так бывает со мной в сильную грозу.

Когда я двигал спички, то чувствовал прилив тепла к ладоням. Обычно я такими «фокусами» не балуюсь и на своих выступлениях не демонстрирую ничего телекинетического – от подобных упражнений сильно утомляешься.

Что касается чтения мыслей, то скажу прямо: у меня нет никакого желания чувствовать себя уникалом.

Считаю, что едва ли не большинство людей способно «брать» чужие мысли, просто не все одинаково развили в себе это умение. Далеко не все могут играть на скрипке, и лишь единицы достигают в этом виртуозного мастерства.

Я ведь тоже далеко не сразу научился разбирать чужие мысли – это сложно. Мысли человека наслаиваются друг на друга, сливаются, перемежаются цветовыми пятнами, полосами (похоже на помехи зрению, создаваемые старой, затертой киноплёнкой).

И выделить в этой мешанине прерывистый, извилистый «поток сознания» весьма непросто. Мне это удается лишь потому, что я хороший «скрипач».

²⁰ Генератор высокого напряжения, изобретенный американским физиком Робертом Ван де Граафом (*прим. израильского редактора*).

5 сентября 1931 года, Париж

Еще летом, когда я гастролировал в Париже, то свел знакомство с Эженом Ости, директором Парижского метапсихологического института. Месье Ости с таким жаром зазывал меня к себе, что я просто не мог ему отказать, пообещав, что приеду осенью.

Долго уговаривать Леона не пришлось, мой импресарио питает слабость к Большим бульварам, поэтому в самом начале сентября я уже покидал купе на Гар-дю-Нор²¹.

²¹ Северный вокзал в Париже (*прим. израильского редактора*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.